

Огромный вред и мало пользы: глобальный обзор истории и пагубных последствий криминализации ВИЧ

Джоан Чете, канд. наук; Ричард Эллиотт, магистр права; Эдвин Бернارد (бакалавр)

Аннотация

Уже в первые годы борьбы с ВИЧ во многих странах были криминализованы сокрытие ВИЧ-статуса, возможное или предполагаемое подвержение опасности заражения вирусом и/или его передача. Многие соответствующие законы и судебные процессы не имеют под собой научной базы и отражают ошибочное понимание вреда и рисков, связанных с ВИЧ. Многочисленные исследования уголовных процессов в связи с ВИЧ показывают, что женщины, секс-работники, расовые меньшинства, геи и бисексуальные мужчины, трансгендерные люди, иммигранты и представители коренных народов непропорционально часто обвиняются и осуждаются судом, получая, зачастую, длительные сроки заключения. Данные молекулярного эпидемиологического надзора за ВИЧ, применяемые для отслеживания вспышек ВИЧ среди маргинализированных групп населения, нередко неправильно применяются к уголовным делам, связанным с ВИЧ. Заявления ученых о консенсусе и международные стандарты стали опорой для адвокации отмены или пересмотра ряда таких законов, благодаря чему количество судебных преследований в некоторых странах сократилось. Многие успешные реформаторские шаги были сделаны по инициативе людей, живущих с ВИЧ. Такие шаги важны с точки глобальной борьбы с расизмом и неравенством в сфере общественного здоровья.

Вступление

Уже многие годы одной из целей национальных и глобальных программ по борьбе с ВИЧ является соблюдение прав человека в ходе реализации мероприятий по противодействию ВИЧ. Глобальная стратегия по СПИДу на 2021-2026 годы, принятая в 2021 году Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций, отражает эту доктрину в амбициозных целях: люди, живущие с ВИЧ или находящиеся в группе повышенного риска относительно ВИЧ, должны быть избавлены от стигмы и дискриминации, а также от «карательных законов и политик»¹. Данная стратегия основана на долгой истории признания во всем мире ненадлежащего применения уголовного законодательства помехой для реализации мер по борьбе с ВИЧ, основанных на соблюдении прав человека. С самого начала эпидемии ВИЧ в ход пошло уголовное законодательство, предусматривающее наказание за нераскрытие ВИЧ-статуса, возможное или предполагаемое подвержение опасности заражения и/или передачу вируса в определенных обстоятельствах. Такое применение уголовного законодательства не способствует ни профилактике ВИЧ, ни противодействию эпидемии, ориентированному на права человека.

Учитывая основные события в контексте распространения криминализации ВИЧ и текущее положение дел в глобальном измерении, наш отчет преследует следующие цели:

рассказать о новейших исследованиях — за последнее десятилетие в целом, в особенности за последние пять лет — о влиянии криминализации ВИЧ на общественное здоровье и права человека; кратко изложить мнения экспертов по данной теме, в частности с учетом последних научных достижений; а также рассказать об усилиях по сокращению криминализации ВИЧ. Осознание влияния криминализации ВИЧ может помочь поставить права человека в центр национальных стратегий противодействия ВИЧ.

Вставка 1: Критерии стратегии поиска и отбора информации

При составлении данного обзора мы использовали поиск по Национальной медицинской библиотеке США (PubMed.gov) по терминам *HIV non-disclosure* («нераскрытие ВИЧ-статуса»), *HIV criminalization* («криминализация ВИЧ») и *criminal HIV transmission* («преступная передача ВИЧ») и изучили статьи в англоязычных журналах за период с 1985 года по 15 февраля 2022 года. Мы использовали поиск по тем же терминам в базе Google Scholar, что позволило дополнить журнальные статьи отчетами ООН и других организаций. Нами был также выполнен поиск по системе Lexis-Nexis по терминам *HIV exposure criminalization* («криминализация подвергания риску инфицирования ВИЧ») и *criminal HIV transmission* («преступная передача ВИЧ»). В рамках такого поиска нами было просмотрено более 2200 аннотаций, из которых было отобрано 240, которые наиболее соответствовали цели освещения основных тенденций в сфере применения такого законодательства. Кроме того, мы рассмотрели документы по криминализации ВИЧ от Объединенной программы ООН по ВИЧ/СПИДу (ЮНЭЙДС), технических агентств ООН и правозащитных органов, а также организаций, отслеживающих ситуацию в сфере криминализации ВИЧ.

[end panel]

Глобальный охват криминализации ВИЧ

Применение уголовного законодательства в отношении передачи ВИЧ, возможного или предполагаемого подвергания риску инфицирования ВИЧ и нераскрытия ВИЧ-положительного статуса (все это описывается в настоящей статье как криминализация ВИЧ) в разных юрисдикциях может существенно различаться. В некоторых из них законодатели приняли специальные законы, криминализующие передачу ВИЧ, подвергание другого лица риску инфицирования ВИЧ и/или просто нераскрытие ВИЧ-положительного статуса сексуальным партнерам. В других юрисдикциях случаи предполагаемой передачи, подвергания риску инфицирования ВИЧ и/или нераскрытия ВИЧ-статуса рассматриваются в рамках уголовных правонарушений общего характера — таких как нападение или насильственные действия сексуального характера, попытка убийства, террористические угрозы, создание угрозы обществу или общественному здоровью, а также причинение телесных повреждений. В ряде случаев законодательство охватывает и другие инфекции, передающиеся половым путем, или даже инфекционные заболевания в более широком контексте. Однако на практике доступные данные говорят о том, что уголовному преследованию подвергаются прежде всего люди, живущие с ВИЧ², возможно из-за стигмы, связанной с ВИЧ и той тяжестью заболевания, которая имела место, когда лечение еще не было доступным.

Криминализация ВИЧ зародилась в США. К концу 1980-х годов в нескольких штатах США для преследования людей за «преступную» передачу ВИЧ применялись статьи о нападении при отягчающих обстоятельствах и покушении на убийство^{3,4}. В то время лишь в немногих американских штатах было специальное законодательство в сфере ВИЧ, однако по закону Райана Уайта (1990), чтобы получать федеральную помощь в борьбе со СПИДом, штаты были обязаны продемонстрировать наличие юридических средств для преследования за «осознанную» передачу вируса⁵. К 1992 году в 16 штатах США существовало специальное уголовное законодательство о ВИЧ⁶. В различное время соответствующие законы были приняты 34 штатами, часть из них действуют до сих пор⁷. На момент проведения данного обзора в 29 юрисдикциях (28 штатах и армии США) преследовали людей, живущих с ВИЧ, за передачу вируса и подвергание риску инфицирования, опираясь на нормативно-правовые акты общего характера, а в девяти штатах имелись законы, предусматривающие более суровое наказание за преступления в случае, если осужденный имеет ВИЧ-положительный статус⁷. В ряде американских штатов осужденные по специальным законам о ВИЧ обязаны регистрироваться как лица, совершившие преступление сексуального характера, что — помимо крайне высокого уровня стигмы — официально ограничивает возможности человека в плане мест возможного проживания, работы или путешествий⁷.

В некоторых специальных законах в сфере ВИЧ (и судебных преследованиях по законам общего характера) речь идет о таких способах передачи инфекции, как укусы и плевки, которые в действительности не создают никакого или практически никакого риска заражения⁸. Некоторые из таких нормативно-правовых актов создавались еще в те времена, когда механизм передачи ВИЧ была еще малоизучен, однако их применение продолжилось и позднее, когда появились новые научные данные. Некоторые из этих законов допускают выдвигание обвинения в подвергании опасности заражения в подобных случаях, поэтому суды выносят очень суровые приговоры даже в тех случаях, когда не было не то что факта заражения, но даже и существенного его риска. Например, в штате Луизиана в качестве наказания за «намеренное подвергание опасности заражения ВИЧ» — при том, что для признания обвиняемого виновным не требуется подтверждение факта заражения и даже не нужно доказывать злой умысел — предусмотрено лишение свободы на срок до 11 лет; при этом наказание за «причинение смерти по неосторожности» — до пяти лет лишения свободы⁹. Соответствующий закон, как и многие другие, явно «наказывает людей, живущих с ВИЧ, только за их ВИЧ-статус, а не за какое-то предполагаемое преступление»⁹.

В конце 1980-х годов судебные преследования в связи с ВИЧ имели место в Западной Европе и Австралии^{10,11}. В отличие от США, в этих юрисдикциях редко требовалось принятие нового специального законодательства о ВИЧ — судами применялись обвинения в нарушении уже существующих законов¹². Примером страны, где с конца 1980-х годов велись такие преследования без специального законодательства о ВИЧ, является Канада. О ней стоит упомянуть из-за большого количества судебных дел и обширного изучения криминализации ВИЧ канадскими исследователями и НПО. В 2012 году Верховный суд Канады постановил, что нераскрытие известного человеку ВИЧ-положительного статуса

перед половым актом, создающим «реальную возможность передачи» ВИЧ, может трактоваться как «мошенничество», которое с правовой точки зрения делает недействительным согласие партнера на секс¹⁴. Таким образом, половой контакт по обоюдному согласию превращается в насильственные действия сексуального характера (при отягчающих обстоятельствах). Максимальное предусмотренное наказание за такие действия — пожизненное заключение, сопровождаемое, на момент написания нашего обзора, обязательной постановкой осужденного на учет как лица, совершившего преступление сексуального характера. Интерпретация прокурорами и судьями данного правового стандарта привела к очень широкой практике криминализации, когда людей осуждали даже при полном или практически полном отсутствии возможности передачи ВИЧ и отсутствии намерения заразить партнера¹⁴. В последние годы суды и прокуроры признали тот факт, что сочетание использования презерватива и низкой вирусной нагрузки или, согласно последним данным, одной только подавленной вирусной нагрузки достаточно для исключения «реальной возможности» заражения, однако закон все еще не дает четкого ответа на вопрос о том, достаточно ли одного только использования презерватива для защиты от преследования за нераскрытие ВИЧ-статуса^{14,15}. На сегодняшний день в Канаде состоялось по меньшей мере 224 судебных процесса, большинство из них — по обвинению в насильственных действиях сексуального характера при отягчающих обстоятельствах^{16,17}. Показатель в 70% обвинительных приговоров по делам о нераскрытии ВИЧ-статуса намного превышает аналогичный показатель для других дел о сексуальном насилии в этой стране, а сроки тюремного заключения по таким делам при этом более чем вдвое превышают средние сроки по делам о сексуальном насилии¹⁶. В конце 1990-х и начале 2000-х годов криминализация ВИЧ также начала резко распространяться в Восточной Европе и Центральной Азии, в т.ч. путем принятия в большинстве стран региона специального уголовного законодательства о ВИЧ^{2,13}. Хотя в другие регионы криминализация ВИЧ пришла позже, на момент написания данного обзора не менее 15 юрисдикций стран Латинской Америки и Карибского бассейна имеют специальные нормативно-правовые акты о ВИЧ (хотя соответствующий колумбийский закон был признан в 2019 году неконституционным, и действие его было приостановлено), а в 11 юрисдикциях других пяти стран судебное преследование велось в рамках общего законодательства². Не менее 13 стран Азиатско-Тихоокеанского региона приняли специальные уголовные законы о ВИЧ, при этом сообщается о судебных преследованиях в рамках общего законодательства по меньшей мере в 11 юрисдикциях пяти других стран. В семи странах Ближнего Востока и в Северной Африке существуют юрисдикции со специальным законодательством в сфере ВИЧ, а в трех странах имеются юрисдикции, где были задокументированы соответствующие судебные процессы с применением законодательства общего характера.²

Распространение в Африке специального уголовного законодательства о ВИЧ ускорило вследствие реализации проекта по разработке для региона «типового закона» о ВИЧ, в результате которого в 2004 году появился так называемый «Нджаменский типовой закон»¹⁸. Его текст включал ряд конструктивных положений, направленных на борьбу со связанной с ВИЧ дискриминацией, но предусматривал также уголовное наказание за

«намеренную передачу» ВИЧ, которая была широко определена как передача вируса «любим способом» лицом, знающим о своем ВИЧ-положительном статусе, без каких-либо уточнений относительно умысла или желания передать ВИЧ. Такой подход делает возможным преследование за передачу вируса от матери к ребенку, передачу при совместном использовании игл, даже если были предприняты меры по их дезинфекции, а также передачу половым путем, независимо от использования презерватива или предварительного раскрытия ВИЧ-статуса¹⁸. С 2005 по 2010 годы как минимум 15 стран приняли законы по этому образцу¹⁹. В ряде юрисдикций органы законодательной власти расширили действие закона и криминализовали поведение, которое не приводило к заражению и даже не предусматривало намерения передать ВИЧ²⁰. В большинстве стран Субсахарской Африки уголовное преследование возможно даже в отсутствие передачи ВИЧ, и всего восемь стран рассматривают факт использования презерватива как положительное основание для защиты^{21,22}.

Сеть правосудия по ВИЧ (HJN), документирующая случаи криминализации ВИЧ и законодательные изменения по всему миру, в 2022 году установила, что специальные законы в сфере ВИЧ действуют в 82 странах². Начиная с первых судебных дел в 1980-х годах, дела о криминализации ВИЧ рассматривались в судах 81 страны: в 35 странах применялось специальное законодательство в сфере ВИЧ, а в 48 странах — другие законы (при этом в некоторых юрисдикциях применялось как специальное, так и общее законодательство). Если рассматривать страны, где в 2022 году действует специальное законодательство о ВИЧ, в региональном разрезе, то 30 из них представляют Субсахарскую Африку, 16 — Восточную Европу и Центральную Азию, 15 — Латинскую Америку и Карибский бассейн, 13 — Азиатско-Тихоокеанский регион, 7 — Ближний Восток и Северную Африку, а еще 24 юрисдикции являются штатами США². После проведенных недавно реформ ни в одной из стран Западной и Центральной Европы не осталось подобного специального законодательства о ВИЧ.

По данным HJN, с 2019 по 2021 годы тремя странами с наибольшим количеством уголовных процессов по ВИЧ (в сумме — почти 500) были Узбекистан, Российская Федерация и Беларусь². Специальное уголовное законодательство в сфере ВИЧ в 16 странах Восточной Европы и Центральной Азии предусматривает наказание до 15 лет лишения свободы. В ряде этих стран судебное преследование возможно даже при раскрытии ВИЧ-статуса перед половым актом, когда якобы пострадавший партнер дает свое согласие на этот акт, и даже тогда, когда «потерпевший» не желает доводить дело до суда¹³.

Международные руководства и научный консенсус

Экспертные медицинские и правозащитные организации, в т.ч. структуры ООН, предложили свое мнение по многим из упомянутых выше проблем. В разработанных ООН *Международных руководящих принципах по ВИЧ/СПИДу и правам человека* государствам рекомендуется не принимать специальное уголовное законодательство по ВИЧ, а использовать уже существующие законы в «исключительных случаях», когда можно «обеспечить четкое и законное определение таких элементов, как предвидение последствий, умысел, причинно-следственная связь». В Руководстве ЮНЭЙДС

подчеркивается, что уголовное наказание является адекватной мерой лишь в том редком случае, когда человеку известно о его ВИЧ-положительном статусе и он действует с явным намерением передать ВИЧ, передача вируса действительно происходит, и есть доказательства того, что обвиняемый стал источником инфицирования заявителя.⁸ ЮНЭЙДС отмечает, что необоснованная и чрезмерно широкая криминализация ВИЧ не просто дискриминирует, но и пугает людей, и этот страх мешает людям обращаться за услугами в сфере ВИЧ.

В 2012 году Глобальная Комиссия по вопросам ВИЧ и законодательства, созданная по инициативе Программы развития ООН (ПРООН), рекомендовала отметить специальные уголовные законы по ВИЧ, отметив, что «применение уголовного законодательства в случаях добровольных сексуальных отношений между совершеннолетними в частной обстановке является чрезмерным и приводит к обратным результатам с точки зрения улучшения общественного здравоохранения»²⁴. В 2016 году в своем первом комментарии по данному вопросу Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин (CEDAW) призвал Канаду пересмотреть вопрос о «правомерности применения по отношению к инфицированным ВИЧ и не сообщившим своим сексуальным партнерам о своей болезни женщинам строгих уголовных санкций (за сексуальное покушение с отягчающими обстоятельствами) даже в тех случаях, когда заражение произошло ненамеренно, либо не произошло, либо его риск был минимальным»²⁵. Позднее Комитет повторил данное соображение в отношении Кыргызстана²⁶. Региональный правозащитный орган Африканская комиссия по правам человека и народов в 2018 году призвала государства Африки реформировать законодательство, чрезмерно широко криминализующее ВИЧ²⁷.

Озабоченность криминализацией ВИЧ возросла также и среди ученых. Развивая предыдущие заявления о консенсусе ученых Швейцарии, Канады, Швеции и Австралии, в 2018 году 20 ведущих исследователей в сфере ВИЧ опубликовали Заявление об экспертном консенсусе в отношении научных данных о ВИЧ-инфекции в контексте уголовного права, которое было поддержано ЮНЭЙДС, Международной ассоциацией поставщиков услуг по уходу в сфере СПИДа, Международным обществом по СПИДу и еще 70 экспертами-учеными. Заявление снова обратило внимание на то, что уголовные законы и судебные решения во многих юрисдикциях не отражают научно обоснованного понимания рисков передачи ВИЧ²⁸. В документе еще раз закреплена уже устоявшийся консенсус относительно того, что неопределяемый уровень вирусной нагрузки означает невозможность передачи ВИЧ («Н=Н»). В документе подчеркивается низкий риск передачи ВИЧ при одиночном половом акте даже в случае секса без презерватива и отсутствия лечения или доконтактной профилактики (ДКП); говорится о том, что риск передачи вируса при использовании презерватива колеблется от нулевого (при условии правильного использования) до пренебрежимо малого; также подтверждается полное отсутствие риска передачи ВИЧ при плевах и укусах (за которые люди подвергались уголовным преследованиям). В Руководстве для прокуроров (2021), разработанном по инициативе ПРООН, со ссылкой на упомянутое Заявление о консенсусе звучит призыв к

прокурорам разобраться в научных данных относительно рисков ВИЧ и не выдвигать уголовные обвинения против людей, которые не раскрыли свой ВИЧ-статус из страха, или в тех случаях, когда для снижения риска передачи ВИЧ использовались презервативы или принимались другие разумные меры²⁹.

Прекращение криминализации ВИЧ в случае подавленной вирусной нагрузки научно обосновано и необходимо, однако признано недостаточным. Заявление о консенсусе по вопросу лечения как профилактики (ЛкП) и уголовного законодательства, поддержанное более чем 100 учреждениями и экспертами, предупреждает, что упоминание в законодательстве неопределяемой или низкой вирусной нагрузки как смягчающего обстоятельства для уголовных дел по ВИЧ не означает, что преследование оправдано в тех случаях, когда вирусная нагрузка повышена³⁰. В Заявлении утверждается, что аргументы ЛкП или «Н=Н» не позволяют решить проблему множества уголовных законов, связанных с ВИЧ, предполагающих возможность обвинительного приговора даже в отсутствие передачи вируса или доказуемого риска передачи, а также что криминализация будет и далее сильнее всего воздействовать на людей, сталкивающихся с препятствиями в доступе к лечению ВИЧ-инфекции³⁰.

Влияние криминализации ВИЧ на здоровье

Эксперты в сфере права с самого начала прогнозировали, что криминализация ВИЧ будет вызывать страх среди людей, живущих с ВИЧ, отбивая у них желание обращаться за медицинской помощью^{3,31}. Как отмечено ниже, имеется ряд рецензированных научных обзоров эмпирических исследований о влиянии криминализации ВИЧ на различные аспекты обращения за помощью и предоставления медицинских услуг; результаты этих исследований неоднозначны, однако достаточны, чтобы вызвать обеспокоенность. Следует отметить, что почти все эти рецензированные исследования о влиянии криминализации на здоровье были проведены в США или Канаде, поэтому их результаты невозможно экстраполировать на все страны.

Например, обзор 25 эмпирических исследований по этой теме, проведенный в США в 2017 году, изначально показывал, что криминализация ВИЧ не связана со снижением обращений за тестированием на ВИЧ⁵. Экологический анализ, проведенный в США в 2017 году, не выявил связи между наличием законов, криминализующих ВИЧ, и частотой постановки диагноза ВИЧ в той или иной юрисдикции, из чего был сделан вывод о том, что такие законы не оказывали никакого влияния на профилактику ВИЧ — ни позитивного, ни негативного³². Однако повторный анализ этих данных, в ходе которого принимался во внимание уровень распространения эпидемии, позволил сделать вывод о том, что законы, криминализующие ВИЧ, приводят к ухудшению выявления случаев ВИЧ и повышению распространенности ВИЧ³³.

Обзор влияния криминализации ВИЧ на вовлеченность женщин в сфере здравоохранения, проведенный в Канаде в 2015 году, обнаружил свидетельства нежелания обращаться за тестированием из-за страха последствий диагноза ВИЧ³⁴. Количественное исследование, проведенное в Канаде в 2017 году, показало, что после принятого в 2012 году Верховным судом решения, подтверждающего криминализацию нераскрытия ВИЧ-статуса в ряде обстоятельств (таких как сексуальное насилие), люди стали реже обращаться за услугами в

сфере ВИЧ, а медицинские работники не были уверены в том, что правильно понимают требования законодательства, что негативно сказалось на их способности предоставлять информацию и оказывать поддержку пациентам³⁵. Канадское модельное исследование 2018 года среди мужчин, практикующих секс с мужчинами, показало, что страх преследования за нераскрытие ВИЧ-статуса снизил желание ВИЧ-негативных мужчин проходить тестирование на ВИЧ до такой степени, что это могло привести к всплеску заболеваемости ВИЧ-инфекцией в данной группе населения³⁶.

Поскольку нельзя ожидать, что законы изменят поведение людей, если люди о них не знают, другие исследователи изучили осведомленность населения о законодательстве в сфере ВИЧ. Проведенный в 2013 году обзор 30 исследований (в основном из стран с высоким уровнем доходов) позволил сделать вывод о том, что большинство респондентов таких исследований имели представление об уголовных законах в сфере ВИЧ на своей территории, однако понимание ими нюансов положений такого законодательства было ограниченным или неверным³⁷. Данные некоторых исследований указывали на то, что небольшое количество людей из-за осведомленности о таком законодательстве были более склонны раскрывать свой ВИЧ-статус перед половым партнером, однако качественные исследования в аналогичных популяциях установили, что осведомленность о законодательстве мотивировала людей вести себя более скрытно и приоритизировать анонимность в сексуальных отношениях³⁸. Исследование среди 1230 канадских женщин, живущих с ВИЧ, выявило, что 73% из них знали о решении Верховного суда 2012 года, однако только 37% понимали его содержание³⁹. Почти все респондентки хотели обсудить юридические требования по раскрытию ВИЧ-статуса с медицинским работником, однако только 66% из них фактически это сделали.

Вставка 2: Криминализация вертикальной передачи ВИЧ

Ряд законов о криминализации ВИЧ допускают преследование женщин за подвержение риску инфицирования или фактическую передачу ВИЧ внутриутробно, во время родов либо при кормлении грудью (три формы вертикальной передачи)^{40,41}. В эту категорию входят многие африканские страны, которые руководствовались Нджаменским типовым законом. В некоторых из них допускается преследование женщин, не принявших «разумные меры» для предотвращения вертикальной передачи, при этом не уточняется, о каких именно мерах идет речь⁴⁰.

Глобальная комиссия по вопросам ВИЧ и законодательства призвала к отмене законов, криминализующих вертикальную передачу²⁴. Недавно комиссия также отметила, что «нельзя предполагать или обосновывать наличие умысла такими обстоятельствами как... рождение ребенка без принятия мер по профилактике передачи ВИЧ от матери к ребенку...»⁴². ЮНЭЙДС утверждает, что консультирование, социальная поддержка и обеспечение для женщин доступа к услугам, необходимым для минимизации вертикальной передачи вируса — меры профилактики более эффективны, чем криминализация⁸. Руководство ПРООН для прокуроров призывает последних к сдержанности: «Женщине и так непросто принимать решения в подобных обстоятельствах, а угроза уголовного преследования не приносит пользы ни женщине, ни

ребенку»²⁹. Ориентируясь на руководство ЮНЭЙДС, ряд стран Африки убрали упоминания о вертикальной передаче из своего уголовного законодательства о ВИЧ²².

Тем не менее, уголовное преследование за подвержение ребенка опасности заражения и вертикальную передачу ВИЧ продолжается. Целый ряд недавних судебных дел в Субсахарской Африке касались женщин, которые занимались «успокаивающим кормлением» детей, биологическими матерями которых они не были — т.е. они один или несколько раз успокаивали ребенка, прикладывая его к груди⁴³. Начиная с 2013 года, процессы о вертикальной передаче или создании риска вертикальной передачи ВИЧ через грудное вскармливание или успокаивающее кормление грудью состоялись в Зимбабве, Кении, Малави, Уганде и Ботсване⁴⁴. По крайней мере в части из этих процессов обвиняемыми были женщины, регулярно получающие АРТ, и свидетельств о факте передачи вируса ни в одном из этих дел не было. В Руководстве Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) говорится, что женщины, непрерывно принимающие АРТ, могут безопасно кормить детей грудью⁴⁵. ВОЗ вслед за ЮНЭЙДС подчеркивает, что приоритетом должно быть обеспечение доступа всех женщин с ВИЧ к тестированию, лечению и консультированию.

[end panel]

Влияние криминализации на отдельные группы населения

Исследование криминализации ВИЧ выявило ее влияние на отдельные группы населения — женщин (помимо соображений вертикальной передачи), секс-работников, геев и бисексуальных мужчин, а также других мужчин, практикующих секс с мужчинами, представителей коренных народов, иммигрантов и расовых меньшинств.

Мотивацией криминализации ВИЧ было якобы стремление защитить ВИЧ-негативных женщин от ВИЧ-положительных половых партнеров-мужчин¹⁸. Проведенные недавно исследования показали, что такая защита не обеспечивается, и что криминализация ВИЧ способна причинять вред по гендерному признаку⁴⁶. Как было отмечено Международным сообществом женщин, живущих с ВИЧ (ICW), женщины зачастую проходят тестирование на ВИЧ при получении услуг в сфере репродуктивного здоровья, и поэтому вирус у них выявляется раньше, чем у их половых партнеров, что может приводить к насилию и другим видам жестокого обращения с женщинами, а также может делать их более уязвимыми к обвинениям в заражении партнера ВИЧ⁴⁷. Однако закон может требовать от них раскрытия статуса даже в тех ситуациях, когда такое раскрытие сопряжено с риском насилия или другими серьезными негативными последствиями. Страх судебного преследования также может мешать женщинам обращаться за услугами и консультациями по ВИЧ, которые действительно способны защитить их.

Качественное исследование, проведенное в Канаде в 2018 году, показало, что осведомленность об уголовных процессах в связи с ВИЧ привела к тому, что женщины, живущие с ВИЧ, стали чувствовать себя незащищенными — закон лишь усилил их страх перед раскрытием собственного ВИЧ-статуса и обращением за помощью в связи с насилием из боязни получить встречное обвинение, связанное с ВИЧ⁴⁸. Криминализация ВИЧ привела к тому, что некоторые женщины считали, что они вынуждены оставаться в отношениях, в которых они подвергались насилию — об этом же свидетельствовал анализ,

проведенный в штате Луизиана⁴⁹. Евразийская женская сеть по СПИДу (ЕЖСС) в 2018 году отметила, что многие из людей, подвергнувшихся преследованию по уголовным законам в сфере ВИЧ в Восточной Европе и Центральной Азии, пережили «насилие, угрозы и шантаж» из-за боязни, что в ходе уголовного процесса раскроется их ВИЧ-положительный статус^{13,50}. Женщины, осужденные в некоторых из этих стран, рисковали подвергнуться социальному ostracismu и быть лишены родительских прав и прав собственности. Другие отмечали, что в ходе судебных процессов по ВИЧ женщин нередко выставляли жертвами, чтобы добиться осуждения в суде, что негативно сказывалось на их способности к самостоятельным действиям и политическим мерам, необходимых для устранения неравенства в сексуальных отношениях⁵¹.

ICW также отмечает, что женщины, наиболее часто страдающие от криминализации ВИЧ — это те, кто уже сталкивается с другими видами криминализации и маргинализации, в т.ч. трансгендерные женщины, секс-работницы, женщины, употребляющие наркотики и трудовые мигрантки⁴⁷. Такой вред от криминализации был зафиксирован в целом ряде юрисдикций.

В Калифорнии, где до реформ 2017 года было пять специальных уголовных законов о ВИЧ⁵², 95% арестов по этим законам в период с 1988 по 2014 годы касались людей, занимавшихся секс-работой (или подозревавшихся в занятии секс-работой) — в основном женщин⁵³; аналогичная ситуация наблюдалась в штатах Невада и Флорида^{54,55}

(калифорнийские реформы включали запрет преследования в тех случаях, когда были приняты меры для предотвращения передачи вируса, а также отмену практики ужесточения приговора за секс-работу для людей, живущих с ВИЧ)⁷. Законодательство в ряде других американских штатов по-прежнему считает преступлением предложение секс-услуг ВИЧ-позитивными людьми и/или предусматривает более длительные сроки заключения, если человек, осужденный за секс-работу, имеет ВИЧ-положительный статус⁷. Транс-женщины в таких юрисдикциях могут подвергаться особенно высокому риску преследования. Стигматизация может повышать риск ареста для некоторых транс-женщин из-за предположения о том, что они занимаются секс-работой. В ряде американских штатов и в некоторых странах допустимо считать наличие презервативов доказательством незаконной секс-работы, из-за чего секс-работники не желают пользоваться презервативами или иметь их при себе, хотя их наличие могло бы использоваться в суде для защиты от обвинения в передаче или создании риска передачи ВИЧ⁵⁶. Браун предполагает, что непропорциональная криминализация секс-работников с низким уровнем дохода (зачастую, представителей цветного населения) в США подпитывает стереотипы об их девиантности, еще более усиливая их стигматизацию и маргинализацию⁴⁹.

Проведенное в 2016 году в канадской провинции Онтарио исследование ВИЧ-позитивных женщин из сообществ иммигрантов выявило, что они знают о криминализации ВИЧ благодаря резонансным судебным процессам. Многие были обеспокоены тем, что закон не принимает во внимание страх женщин подвергнуться насилию или быть брошенными в случае раскрытия ВИЧ-положительного статуса, а также то, что женщины могут быть не в состоянии добиться использования презерватива⁵⁷. Женщины также опасались уголовного преследования за грудное вскармливание своих младенцев. Еще одно исследование

среди женщин в канадском городе Ванкувере обнаружило, что чернокожие иммигрантки опасаются наказания или лишения родительских прав в случае если не смогут погасить кредиты на услуги адвоката⁴⁸.

Еще одно канадское исследование, проведенное в 2021 году, установило, что представительницы коренных народов, живущие с ВИЧ и зачастую не получающие информации о ВИЧ (адаптированной к их культуре) и услуг здравоохранения, особенно подвержены риску насилия и социальной изоляции в случае раскрытия ВИЧ-статуса⁵⁸. Этим женщинам нередко сложно было договориться об использовании презерватива и поддерживать низкий уровень вирусной нагрузки, что еще более затрудняло для них выполнение требований закона о раскрытии ВИЧ-статуса.

С учетом широкого распространения криминализации употребления наркотиков, люди, употребляющие наркотики, вполне обоснованно могут опасаться любых дополнительных законов, которые могут привлечь к ним внимание уголовно-правовой системы.

Проведенное в 2016 году в Канаде исследование среди людей, живущих с ВИЧ и употребляющих наркотики инъекционно, изучало то, в какой мере этих люди юридически обязаны раскрывать свой ВИЧ-статус перед половыми партнерами даже с учетом того, что сочетание использования презерватива и низкой вирусной нагрузки, согласно законодательству Канады, снимает с них это обязательство. Авторы установили, что более половины респондентов подлежали преследованию за нераскрытие ВИЧ-статуса преимущественно из-за нерегулярного использования презервативов⁵⁹.

Геи, бисексуалы и другие мужчины, практикующие секс с мужчинами — это группа, особенно сильно пострадавшая от пандемии ВИЧ, а потому угроза преследования по законам, криминализующим ВИЧ, для этих мужчин непропорционально велика. В ряде юрисдикций криминализация ВИЧ наложилась на гомофобные законы, криминализующие однополый секс по обоюдному согласию — таким, к примеру, является угандийский закон 2014 года, позднее признанный недействительным по процессуальным основаниям в наивысшей судебной инстанции страны. Этот закон криминализовал не только однополый секс по обоюдному согласию, но и предусматривал наказание за «гомосексуальность при отягчающих обстоятельствах», если обвиняемый участник контакта имел ВИЧ-положительный статус, при этом приговор мог включать меры вплоть до смертной казни⁶⁰.

Расизм и ксенофобия

В ряде юрисдикций уже долгое время существует проблема несоразмерно большего влияния криминализации ВИЧ на представителей цветного населения, коренных народов и иммигрантов⁶¹. К примеру, в штате Миссури, где чернокожие мужчины составляют менее 6% населения, они проходили обвиняемыми примерно по 50% дел, возбужденных в 2020 году за нарушение уголовного законодательства по ВИЧ⁶². В штате Джорджия, где чернокожие составляют около 32% населения, на них пришлось 61% арестованных по законам о криминализации ВИЧ в период с 1988 по 2017 годы⁶³.

В Канаде, где чернокожее население составляет 3,5% от общего, согласно оценкам, 22% обвиняемых по уголовным делам о ВИЧ были чернокожими (и почти все они — мужчины)¹⁶. Процент обвинительных приговоров, предусматривающих тюремное заключение, также был значительно выше для чернокожих (73%) и представителей

коренных народов (75%) по сравнению с белыми обвиняемыми (57%)¹⁶. 71% чернокожих мужчин, против которых в Канаде с 1989 по 2016 годы выдвигались обвинения в нарушении уголовного законодательства в сфере ВИЧ, родились за пределами Канады⁶⁴. Обзор 1680 газетных статей показал, что освещение СМИ связанных с ВИЧ уголовных дел не только содержало расовые предубеждения, но и было направлено на непропорционально активное освещение дел, фигурантами которых были иммигранты из числа представителей цветного населения⁶⁵. В сообщениях СМИ мужчин, проходящих по уголовным делам по ВИЧ, зачастую представляли как «аморальных, безответственных донжуанов, несущих угрозу романтической и сексуальной невинности своих жертв»⁶⁵. Другие исследования медиаосвещения уголовных дел по ВИЧ также вызывают обеспокоенность с точки зрения прав человека. Освещение в СМИ в 2013 году дела чернокожего студента-гея, обвиненного в передаче и подвергании опасности передачи ВИЧ в штате Миссури, подчеркивало постыдность однополорого секса, а также работало на стереотипы о мужской физиологии чернокожих⁶⁶. Как было отмечено в рамках другого анализа нашумевших случаев изображения в Канаде осужденных как «чужих иной расы», искажения, допускаемые СМИ, имеют особенно важное значение, поскольку общественность обычно узнает о криминализации ВИЧ из новостных сообщений о судебных процессах⁶⁷.

Молекулярный эпидемиологический надзор за ВИЧ

Филогенетика позволяет вирусологам определять степень родства отдельных штаммов ВИЧ. Филогенетический анализ изначально считался «новым и мощным инструментом для понимания эпидемиологии передачи ВИЧ»⁶⁸. Однако ошибочное мнение о том, что филогенетические данные могут выступать в качестве доказательств в делах о передаче ВИЧ (аналогично тому, как в других уголовных делах используют анализ ДНК), очевидно, побудило некоторых прокуроров использовать филогенетический анализ для «доказывания» того, что источником конкретного заражения ВИЧ был определенный человек⁶⁹.

Эксперты-ученые и руководства ООН неоднократно предупреждали о том, что в уголовных делах по ВИЧ нельзя полагаться на филогенетический анализ. В упомянутом выше Заявлении об экспертном консенсусе 2018 года утверждалось, что ненаучное использование филогенетических данных в уголовных процессах привело к возможным случаям «ненадлежащего отправления правосудия»²⁸. В Заявлении эксперты делают вывод:

Результаты филогенетического анализа сами по себе не могут окончательно доказать утверждение, что обвиняемый инфицировал заявителя ВИЧ. Важно отметить, что филогенетические результаты могут оправдать обвиняемого, когда результаты несовместимы с утверждением, что обвиняемый инфицировал заявителя²⁸.

В последние годы поднимались вопросы в сфере здравоохранения и прав человека, связанные с популяционным применением данных филогенетического анализа или молекулярного эпидемиологического надзора. Хотя молекулярный эпиднадзор за ВИЧ (МЭВ) изначально использовался главным образом для мониторинга возможной лекарственной устойчивости ВИЧ, создание менее затратных методов позволило расширить его применение в общественном здравоохранении, особенно для отслеживания вспышек ВИЧ среди маргинализированных групп населения⁷⁰. США и Канада, которые были лидерами в уголовном преследовании по делам, связанным с ВИЧ, также отличаются наиболее активным применением МЭВ⁷⁰. Обе эти страны также криминализуют аспекты секс-работы и широкий спектр правонарушений, связанных с наркотиками, а полиция в них непропорционально активно преследует мигрантов. Даже там, где есть понимание, что подобный филогенетический анализ не может доказать факт передачи ВИЧ, его результаты используются обвинителями как косвенные улики⁷⁰. Применение или потенциальное применение данных МЭВ полицией и представителями исправительных учреждений вызывает обеспокоенность среди исследователей и активистов⁷¹.

Кокус ЛЖВ США, отметив, что американские федеральные власти требуют от штатов внедрения систем МЭВ в качестве условия для получения определенного федерального финансирования, призвал администрацию Байдена наложить мораторий на такую практику⁷². В 2020 году группа активистов и ученых выступила с заявлением, «выходящим за пределы биоэтики», что МЭВ дегуманизирует людей и, как и криминализация ВИЧ, может «использоваться как оружие расизма, классовой дискриминации, ксенофобии, мизогинии, гомофобии и/или трансфобии...»⁷³. В 2022 году исследователи из Вашингтонского университета (США) решили приостановить свой проект МЭВ и опубликовали вместо этого выводы из опыта, полученного в ходе проведения консультаций с активистами в сфере ВИЧ⁷⁴.

За пределами США и Канады Рабочая группа по этике филогенетики ВИЧ высказывала свою озабоченность по поводу растущего применения МЭВ в странах с низким уровнем дохода, где могут быть слабы ограничения на распространение данных⁷⁵.

Опубликованный в 2021 году движением «Правосудие по ВИЧ по всему миру» глобальный обзор представляет перечень проблемных вопросов, которые озвучивались экспертами и активистами в отношении данной технологии, в том числе ограниченность ее применения в качестве доказательства, проблемы конфиденциальности, а также способность усилить маргинализацию и без того угнетаемых групп населения⁷⁶.

Вставка 3: Реформа законодательства, криминализующего ВИЧ: неослабевающий голос гражданского общества

В 2012 году эксперты гражданского общества, в том числе представители организаций людей, живущих с ВИЧ, встретились в Осло, чтобы рассмотреть опасности

криминализации ВИЧ. В опубликованной по результатам этой встречи «Декларации Осло о криминализации ВИЧ-инфекции» отмечается, в частности, что более предпочтительным по сравнению с применением уголовного законодательства является «некарательный, неуголовный подход к профилактике ВИЧ, в центре которого — специалисты сообществ, которые располагают наиболее полными знаниями и пониманием проблем ВИЧ-инфекции», но при этом даже в тех редких случаях, когда происходит умышленная передача ВИЧ, «мы хотим, чтобы люди, живущие с ВИЧ, получали поддержку и мотивацию для лечения с момента получения диагноза. Это поможет предотвратить даже те редкие случаи умышленного заражения»⁷⁷. Консультация в Осло ознаменовала учреждение Сети правосудия по ВИЧ (HIV Justice Network, HJN) — «ведущей неправительственной организации сообществ, которая занимается построением координированного, эффективного глобального противодействия криминализации ВИЧ» (см. www.hivjustice.net).

С 2012 года сеть HJN фиксирует значительные усилия по отмене и пересмотру криминализации ВИЧ, многие из которых были бы невозможны без адвокационных организаций людей, живущих с ВИЧ, и их союзников. Согласно подсчетам сети HJN, с 2015 по 2021 годы специальное уголовное законодательство по ВИЧ было отменено в Демократической Республике Конго, австралийском штате Виктория, в Швеции и двух американских штатах (Иллинойсе и Нью-Джерси); предложенные законопроекты были отозваны в нескольких американских и мексиканских штатах, в Бразилии и Малави; законы были «осовременены» для отражения новых научных данных в девяти штатах США, в Швейцарии, Норвегии, Беларуси и Армении; наконец, суды признали соответствующие законы неконституционными в Кении, мексиканском штате Веракрус и в Колумбии^{2,78}. Кроме этого, в 2022 году был отменен⁸⁰ криминализующий ВИЧ раздел *Уголовного кодекса* Зимбабве, который долгое время подвергался критике за то, что допускал уголовное преследование на основе доказательств, не имеющих под собой научных оснований⁷⁹.

Организации людей, живущих с ВИЧ, возглавили работу по реформированию законодательства во многих американских штатах. К примеру, в 2021 году Иллинойс стал всего вторым штатом США, в котором был отменен специальный закон о ВИЧ, при этом адвокационные организации провели с законодателями разъяснительную работу о вреде этого закона⁸¹. В Канаде работа гражданского общества по повышению осведомленности об актуальных научных сведениях способствовала принятию федеральной директивы, ограничивающей преследование в трех провинциях страны, рекомендаций по уголовной политике в данной сфере в целом ряде провинций, рекомендаций парламентского комитета об изменениях в законодательстве для полного прекращения применения обвинений в сексуальном насилии и ограничения значимого применения уголовного законодательства⁸², а также обязательства федерального правительства провести консультации о законодательной реформе, принятого в 2022 году⁸³. После многочисленных уголовных дел по нераскрытию ВИЧ-статуса, которые шли в Канаде на протяжении многих лет, в 2020 году было зафиксировано только одно такое дело¹³, и сообщество продолжило прилагать усилия для проведения законодательной реформы⁸³. В

то же время активисты в Восточной Европе и Центральной Азии все больше проливали свет на поразительно большое количество уголовных дел в нескольких странах региона, и ведут теперь работу с органами государственного обвинения и другими сторонами, формирующими политику, для проведения реформ. Особого внимания заслуживает лидерская роль женщин в декриминализации в данном регионе, где преследования настолько пагубно сказались на женщинах⁵⁰.

Важный показатель успеха усилий по реформированию — это изложенное в Глобальной стратегии по СПИДу на 2021-2026 годы консенсусное мнение о том, что законы, криминализующие нераскрытие ВИЧ-статуса, потенциальное или предполагаемое подвержение опасности передачи вируса, а также неумышленную его передачу, следует отменить, а также прекратить «избыточное применение» законодательства общего характера по делам о ВИЧ¹. Поставленная на пять лет цель — чтобы к 2025 году меньше 10% стран имели такие карательные законы, как законы о криминализации ВИЧ. Последовательная адвокация в различных формах и на разных форумах, сочетающая в себе аргументы правозащитников и научные данные из различных дисциплин, положила конец криминализации ВИЧ в глобальной политической повестке.

[end panel]

Заключение

Данный обзор неминуемо ограничен тем фактом, что рецензированная литература по криминализации ВИЧ написана в США и Канаде. Как было указано выше, невозможно экстраполировать данные из указанных источников на остальной мир, хотя некоторые из наиболее недружественных к правам человека элементов криминализации ВИЧ, похоже, были экспортированы в другие регионы без изменений. Тем не менее, обширные материалы, собранные НПО из других регионов, на которые мы ссылаемся в данном обзоре, дают нам возможность заключить, что криминализация ВИЧ является глобальной проблемой.

Криминализация нераскрытия ВИЧ-статуса, возможного или предполагаемого подвержения опасности заражения и/или передачи вируса не согласуется с основанным на правах человека подходом к противодействию ВИЧ, десятилетиями продвигаемым в стратегиях ООН. Она усиливает правовое и социальное бремя, которое несут люди, подвергающиеся дискриминации по признаку расы, класса, гендера, сексуальной ориентации и иммиграционного статуса, а также другим видам криминализации. Такая ситуация возможна из-за законов и уголовно-правовой системы, которые во многих случаях отстают от научных достижений и задействуют механизмы уголовного права в ответ на поведение, которое создает незначительный или вообще нулевой риск передачи ВИЧ. Люди подвергаются жестким наказаниям даже в тех случаях, когда телесные повреждения полностью отсутствуют и когда не прослеживается умысел причинения вреда — более того, в некоторых случаях обвиняемые активно старались исключить или снизить риск передачи вируса. В итоге усиливается связанная с ВИЧ стигма, и люди могут отказываться от обращения за медицинскими услугами. Создаются условия для неправильного применения филогенетических результатов и такого инструмента общественного здоровья, как молекулярный эпидемиологический надзор.

Любые плюсы криминализации ВИЧ, которые, впрочем, не находят отражения в существующих исследованиях, необходимо сопоставлять с колоссальным вредом от обострения стигмы и дискриминации людей, живущих с ВИЧ, а также от лишения свободы, принуждения и шантажа, полицейских расследований, уголовных процессов, истерии в СМИ и обременения людей судимостями, статусом сексуального преступника или депортацией. Миф о том, что криминализация ВИЧ защищает женщин от мужчин-хищников, должен отступить, уступая место инвестициям в проверенные меры по снижению гендерно-обусловленной бедности, насилия и дискриминации. Полезной была бы финансовая поддержка работы сетей людей, живущих с ВИЧ, по документированию уголовного законодательства в сфере ВИЧ и его влияния в странах с низким и средним уровнем доходов.

Сейчас, когда настал момент истины в отношении расовых вопросов в контексте глобального здоровья, государствам надлежит пересмотреть, реформировать и отменить законы, усугубляющие ущерб, нанесенный расовым меньшинствам и коренным народам столетиями белого колониализма. Значительное снижение числа случаев ВИЧ среди секс-работников, людей, употребляющих наркотики, криминализованных представителей ЛГБТКИ, мигрантов и заключенных остается основой Глобальной стратегии по противодействию СПИДу, и ликвидация криминализации ВИЧ поможет в достижении такого снижения. Кроме того, в то время, когда возникают новые инфекционные заболевания, криминализация ВИЧ создает опасный прецедент. Драматические дела (пусть их и было всего несколько) по обвинению в покушении на убийство из-за якобы передачи ВИЧ в ходе изнасилования в Южной Африке стали ближайшим прецедентом для выдвижения обвинений в покушении на убийство против двух мужчин, которые отказались следовать карантинным ограничениям, получив положительные результаты тестов на SARS-CoV-2 в 2020 году⁸⁵. Демонизация «переносчиков» COVID-19 в слишком многих странах является, как минимум частично, пагубным следствием криминализации ВИЧ.

Соавторы

Джоан Чете и Ричард Эллиотт совместно подготовили оригинальную версию документа. Эдвин Дж. Бернارد пересмотрел документ и внес в него значительные правки. Все авторы прочитали и утвердили окончательную версию статьи.

Декларация интересов

Джоан Чете и Ричард Эллиотт ранее принимали участие в работе Правовой сети по ВИЧ (ранее — Канадская правовая сеть по ВИЧ/СПИДу). Эдвин Дж. Бернارد — исполнительный директор Сети правосудия по ВИЧ, которая является секретариатом движения «Правосудие по ВИЧ по всему миру», а Ричард Эллиотт занимает должность председателя наблюдательного совета Сети правосудия ВИЧ. В данной статье упоминаются публикации всех этих органов, и мы считаем это неизбежным с учетом их ключевого участия в анализе криминализации ВИЧ. Авторы заявляют об отсутствии других конфликтов интересов.

Список использованной литературы

- ЮН Э Й Д С. Г л о б а л ь н а я с т р а т е г и я п о С П И Д у н а 2021-2026
г о д ы. Л и к в и д и р о в а т ь н е р а в е н с т в о. П о к о н ч и т ь с о
С П И Д о м. Ж е н е в а , 2021 г. <https://endinequalitiesendaids.unaids.org/> (Д а т а о б р а щ е н и я : 16 ф е в р а л я 2022 г .)
2. Symington A, Bernard EJ. ПРОДВИЖЕНИЕ ПРАВОСУДИЯ В СВЯЗИ С ВИЧ 4 : понимание
общих особенностей, использование возможностей. Амстердам: HIV Justice Network, 2022 г .
(Д а т а о б р а щ е н и я : 22 и ю л я 2022 г)
3. Field MA, Sullivan KM. AIDS and the criminal law. *Law, Medicine and Health Care* 1987; **15**(1-
2): 46-60.
4. Gostin L. The politics of AIDS: Compulsory state powers, public health and civil liberties. *Ohio
State Law Journal* 1989; **49**: 1017-58.
5. Harsono D, Galletly CL, O'Keefe E, Lazzarini Z. Criminalization of HIV Exposure: A Review of
Empirical Studies in the United States. *AIDS Behav* 2017; **21**(1): 27-50.
6. Tierney TW. Criminalizing the sexual transmission of HIV: An international analysis. *Hastings
International and Comparative Law Review* 1992; **15**(3): 475-514.
7. Center for HIV Law & Policy. HIV criminalization in the United States: A sourcebook on state
and federal HIV criminal law and practice. New York, 2022.
<https://www.hivlawandpolicy.org/sourcebook> (Д а т а о б р а щ е н и я : 18 ф е в р а л я
2022 г .)
8. ЮН Э Й Д С . Ending overly broad criminalization of HIV non-disclosure, exposure and
transmission: Critical scientific, medical and legal considerations. Geneva, 2013. (Д а т а о б р а щ е н и я : 20 ф е в р а л я 2022 г .)
9. Barney JL. Louisiana's intentional exposure to HIV policy: The social construction of target
populations. *Soc Work Public Health* 2020; **35**(3): 100-13.
10. Evans A. Critique of the criminalisation of sexual HIV transmission. *Victoria University of
Wellington Law Review* 2007; **38**(3): 517-42.
11. HIV/AIDS Legal Centre Inc. Criminal transmission of HIV: A guide for legal practitioners in
NSW (1st ed). Sydney, 2009. [https://halc.org.au/wp-
content/uploads/2013/04/crim_transmission.pdf](https://halc.org.au/wp-content/uploads/2013/04/crim_transmission.pdf) (Д а т а о б р а щ е н и я : 24 ф е в р а л я
2022 г .)
12. Global Network of People Living with HIV/AIDS Europe. Criminalisation of HIV transmission
in Europe, 2005. <http://www.sidastudi.org/resources/inmagic-img/dd1694.pdf> (Д а т а о б р а щ е н и я : 20 ф е в р а л я 2022 г .)
13. Whitbread J, Moroz S. Regional HIV criminalisation report: Eastern Europe and Central Asia.
Amsterdam: Eurasian Women's Network on AIDS and HIV Justice Worldwide, 2018
[https://www.hivjusticeworldwide.org/wp-content/uploads/2018/11/HJWW-EECA-Regional-HIV-
Criminalisation-Report.pdf](https://www.hivjusticeworldwide.org/wp-content/uploads/2018/11/HJWW-EECA-Regional-HIV-Criminalisation-Report.pdf) (Д а т а о б р а щ е н и я : 20 ф е в р а л я 2022 г .)
14. Canadian HIV/AIDS Legal Network. The criminalization of HIV non-disclosure in Canada:
current status and the need for change. Toronto, 2019. The Criminalization of HIV Non-Disclosure in

- Canada: Current Status and the Need for Change — HIV Legal Network (Дата обращения: 23 февраля 2022 г.)
15. HIV Legal Network. Covering risk: HIV criminalization and condoms. Toronto, 2021. <https://www.hivlegalnetwork.ca/site/covering-risk-hiv-criminalization-and-condoms/?lang=en> (Дата обращения: 24 февраля 2022 г.)
16. Hastings C, Massaquoi N, Elliott R, Mykhalovskiy E. HIV criminalization in Canada: Key trends and patterns (1989-2020). Toronto: HIV Legal Network, 2022. <https://www.hivlegalnetwork.ca/site/hiv-criminalization-in-canada-key-trends-and-patterns-1989-2020/?lang=en> (Дата обращения: 24 февраля 2022 г.)
17. Michaud L, Annamathadoo I, Chu SKH, McClelland A, Nobleman R, Peck R. Harms of sex offender registries in Canada among people living with HIV. Toronto: HIV Legal Network, Carleton University Institute of Criminology and Criminal Justice, HIV & AIDS Legal Clinic Ontario, 2021 <https://www.hivlegalnetwork.ca/site/harms-of-sex-offender-registries-in-canada-among-people-living-with-hiv/?lang=en> (Дата обращения: 24 февраля 2022 г.)
18. Pearshouse R. Legislation contagion: the spread of problematic new HIV laws in West Africa. *Canadian HIV/AIDS Policy and Law Review* 2007; **12**(2-3): 1-11.
19. Grace D. Criminalizing HIV transmission using model law: troubling best practice standardizations in the global HIV/AIDS response. *Critical Public Health* 2015; **25**(4): 441-54.
20. Pearshouse R. Legislation contagion: building resistance. *Canadian HIV/AIDS Policy and Law Review* 2008; **13**(2-3): 1 ff.
21. Eba P. HIV-specific legislation in sub-Saharan Africa: A comprehensive human rights analysis. *African Human Rights Law Journal* 2015; **15**: 224-62.
22. Claivaz-Loranger S, Kazatchkine C. Regional HIV criminalization report -- francophone Africa. Amsterdam: HIV Justice Worldwide, Canadian HIV/AIDS Legal Network, 2017. <https://www.hivjusticeworldwide.org/wp-content/uploads/2018/11/HJWW-Francophone-Africa-Regional-HIV-Criminalization-Report-1.pdf> (Дата обращения: 20 февраля 2022 г.)
23. Совместная публикация УВКПЧ и ЮНЭЙДС. Международных руководящих принципов по ВИЧ/СПИДу и правам человека, объединены вариант 2006 г. Женева, Организация Объединенных Наций, 2006 г. <https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Publications/HIVAIDSGuidelinesru.pdf> (Дата обращения: 18 февраля 2022 г.)
24. ГЛОБАЛЬНАЯ КОМИССИЯ ПО ВИЧ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ. Доклад «ВИЧ и законодательство: риски, права и здоровье», 2013 г. <https://hivlawcommission.org/wp-content/uploads/2017/06/FinalReport-RisksRightsHealth-RU.pdf> (Дата обращения: 24 февраля 2022 г.)
25. Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин. Заключительные замечания по объединенным восьмому и девятому периодическим докладом Канады. Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 2016. <https://digitallibrary.un.org/record/3802136?ln=ru> (Дата обращения: 25 февраля 2022 г.)
26. Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин. Заключительные замечания по пятому периодическому докладу Кыргызстана. Женева: Организация Объединенных Наций, 2021.

<https://digitallibrary.un.org/record/3951743?ln=ru> (Дата обращения: 25 февраля 2022 г.)

27. African Commission on Human and Peoples' Rights. HIV, the law and human rights in the African human rights system: Key challenges and opportunities for rights-based responses. Банжул, Гамбия: Африканский союз, 2018.

https://www.unaids.org/sites/default/files/media_asset/HIV_Law_AfricanHumanRightsSystem_en.pdf (Дата обращения: 26 февраля 2022 г.)

28. Франсуаза Барре-Синуси¹, Салим С. Абдул Карим^{2,3,4}, Ян Альберт, et al. Заявление об экспертном консенсусе в отношении научных данных о ВИЧ-инфекции в контексте уголовного права. *J Int AIDS Soc* 2018; **21**(7): e25161.

29. ПРООН (2021), Руководство для прокуроров по уголовным делам, связанным с ВИЧ, Нью-Йорк https://hivlawcommission.org/wp-content/uploads/2021/10/UNDP_Guidance-for-Prosecutors-on-HIV-related-Criminal-Cases_RU_Final.pdf (Дата обращения: 26 февраля 2022 г.)

30. Consensus statement on HIV "treatment as prevention" in criminal law reform. 2017. <https://www.hivtaspcrimlaw.org/> (Дата обращения: 26 февраля 2022 г.)

31. Elliott R. Criminal law and HIV/AIDS: Final report. Toronto: Canadian HIV/AIDS Legal Network, 1996. (в распоряжении авторов)

32. Sweeney P, Gray SC, Purcell DW, et al. Association of HIV diagnosis rates and laws criminalizing HIV exposure in the United States. *AIDS* 2017; **31**(10): 1483-8.

33. Sah P, Fitzpatrick MC, Pandey A, Galvani AP. HIV criminalization exacerbates subpar diagnosis and treatment across the United States: response to the 'Association of HIV diagnosis rates and laws criminalizing HIV exposure in the United States'. *AIDS* 2017; **31**(17): 2437-9.

34. Patterson SE, Milloy MJ, Ogilvie G, et al. The impact of criminalization of HIV non-disclosure on the healthcare engagement of women living with HIV in Canada: a comprehensive review of the evidence. *J Int AIDS Soc* 2015; **18**: 20572.

35. Savage S, Braund R, Stewart T, Brennan DJ. How could I tell them that it's going to be okay? The impact of HIV nondisclosure criminalization on service provision to people living with HIV. *Journal of HIV/AIDS & Social Services* 2016; **16**(3): 287-300.

36. Kesler MA, Kaul R, Loutfy M, et al. Prosecution of non-disclosure of HIV status: Potential impact on HIV testing and transmission among HIV-negative men who have sex with men. *PLoS One* 2018; **13**(2): e0193269.

37. O'Byrne P, Bryan A, Roy M. HIV criminal prosecutions and public health: an examination of the empirical research. *Med Humanit* 2013; **39**(2): 85-90.

38. O'Byrne P, Willmore J, Bryan A, et al. Nondisclosure prosecutions and population health outcomes: examining HIV testing, HIV diagnoses, and the attitudes of men who have sex with men following nondisclosure prosecution media releases in Ottawa, Canada. *BMC Public Health* 2013; **13**.

39. Patterson S, Nicholson V, Milloy MJ, et al. Awareness and understanding of HIV non-disclosure case law and the role of healthcare providers in discussions about the criminalization of HIV non-disclosure among women living with HIV in Canada. *AIDS Behav* 2020; **24**(1): 95-113.

40. Csete J, Pearshouse R, Symington A. Vertical HIV transmission should be excluded from criminal prosecution. *Reproductive Health Matters* 2009; **17**(34): 154-62.

41. HIV Justice Worldwide. Breastfeeding defense toolkit. Amsterdam, 2021. <https://toolkit.hivjusticeworldwide.org/theme/breastfeeding/> (Дата обращения: 1 марта 2022 г.)
42. ВИЧ и законодательство: Риски, права и здоровье. Дополнение, 2018. https://hivlawcommission.org/wp-content/uploads/2019/01/Hiv-and-the-Law-supplement_2018_RU_Final.pdf/ (Дата обращения: 1 марта 2022 г.)
43. Cameron S. It takes more than a village to end HIV criminalisation. Amsterdam: HIV Justice Network, 2021. <https://www.hivjustice.net/news/feature-it-takes-more-than-a-village/> (Дата обращения: 1 марта 2022 г.)
44. Samuel K. HIV criminalisation and breastfeeding: a growing concern in sub-Saharan Africa. HIV & criminal law: AIDSMap; 2022. <https://www.aidsmap.com/news/jan-2022/hiv-criminalisation-and-breastfeeding-growing-concern-sub-saharan-africa> (Дата обращения: 2 марта 2022 г.)
45. Женева: Всемирная организация здравоохранения; 2018. Сводное руководство по охране сексуального и репродуктивного здоровья и защите прав женщин, живущих с ВИЧ (Дата обращения: 19 июля 2022 г.)
46. Сеть ATHENA. 10 причин, по которым криминализация подвергается опасности заражения или передачи ВИЧ наносит вред женщинам, 2008 г. <https://ewna.org/wp-content/uploads/2022/10/10-reasons-russian.pdf> (Дата обращения: 2 марта 2022 г.)
47. International Community of Women Living with HIV. Criminalization of women living with HIV: Non-disclosure, exposure and transmission, 2016. (Дата обращения: 24 февраля 2022 г.)
48. Krusi A, Ranville F, Gurney L, Lyons T, Shoveller J, Shannon K. Positive sexuality: HIV disclosure, gender, violence and the law-A qualitative study. *PLoS One* 2018; **13**(8): e0202776.
49. Brown R. When the body is a weapon: an intersectional feminist analysis of HIV criminalization in Louisiana. *Berkeley Journal of Gender Law and Justice* 2020: 91-136.
50. Евразийской Женской сетью по СПИДу и Глобальной сетью людей. Женское лидерство в вопросах декриминализации ВИЧ: опыт региона ВЕЦА. Тбилиси, 2022. [http://www.ewna.org/wp-content/uploads/2022/01/Decrim_EWNA_Report.pdf/](http://www.ewna.org/wp-content/uploads/2022/01/Decrim_EWNA_Report.pdf) (Дата обращения: 2 марта 2022 г.)
51. Persson A. "I don't blame that guy that gave it to me": contested discourses of victimisation and culpability in the narratives of heterosexual women infected with HIV. *AIDS Care* 2014; **26**(2): 233-9.
52. Center for HIV Law & Policy. HIV criminal law reform: before & after -- California. Нью-Йорк, 2020 г. <https://www.hivlawandpolicy.org/sites/default/files/HIV%20Criminal%20Law%20Reform%20Before%20and%20After%20California%2C%20CHLP%202020.pdf> (Дата обращения: 3 марта 2022 г.)
53. Hasenbush A, Myashita A, Wilson B. HIV criminalization in California: Penal implications for people living with HIV/AIDS: UCLA School of Law Williams Institute, 2015. <https://williamsinstitute.law.ucla.edu/publications/hiv-criminalization-ca-penal/> (Дата обращения: 3 марта 2022 г.)

54. Cisneros N, Sears B. Enforcement of HIV criminalization in Nevada: UCLA School of Law Williams Institute, 2021. <https://williamsinstitute.law.ucla.edu/issues/criminalization/> (Дата обращения: 3 марта 2022 г.)
55. Cisneros N, Sears B. HIV criminalization in Florida: Length of incarceration and fiscal implications: UCLA School of Law Williams Institute, 2021. <https://williamsinstitute.law.ucla.edu/issues/criminalization/> (Дата обращения: 3 марта 2022 г.)
56. McCann J, Crawford G, Hallett J. Sex worker health outcomes in high-income countries of varied regulatory environments: A systematic review. *Int J Environ Res Public Health* 2021; **18**(8).
57. Kapiriri L, Tharao W, Muchenje M, Masinde KI, Ongoiba F. '... They should understand why ...' The knowledge, attitudes and impact of the HIV criminalisation law on a sample of HIV+ women living in Ontario. *Glob Public Health* 2016; **11**(10): 1231-45.
58. Sanderson A, Ranville F, Gurney L, et al. Indigenous women voicing experiences of HIV stigma and criminalization through art. *International Journal of Indigenous Health* 2021; **16**(2): 267-90.
59. Patterson S, Kaida A, Nguyen P, et al. Prevalence and predictors of facing a legal obligation to disclose HIV serostatus to sexual partners among people living with HIV who inject drugs in a Canadian setting: a cross-sectional analysis. *CMAJ Open* 2016; **4**(2): E169-76.
60. Government of the Republic of Uganda. *Oloka-Onyango et al v. Attorney General* [2014] UGCC 14. Kampala; 2014. (Дата обращения: 4 марта 2022 г.)
61. Эдвин Дж. Бернхард, Элисон Саймингтон, Сильви Бомон. Криминализация ВИЧ как наказание за незащищенность. *American Journal of Public Health* 2022; **112**: e1-e3.
62. Sears B, Goldberg S, Mallory C. The criminalization of HIV and hepatitis B and C in Missouri: An analysis of enforcement data from 1990 to 2019: UCLA School of Law Williams Institute, 2020. <https://williamsinstitute.law.ucla.edu/issues/criminalization/> (Дата обращения: 4 марта 2022 г.)
63. Cisneros N, Sears B. HIV criminalization in Georgia: Length of incarceration and discal implications: UCLA School of Law Williams Institute, 2021. <https://williamsinstitute.law.ucla.edu/issues/criminalization/> (Дата обращения: 4 марта 2022 г.)
64. Hastings C, Kazatchkine C, Mykhalovskiy E. HIV criminalization in Canada: Key trends and patterns. Toronto: Canadian HIV/AIDS Legal Network, 2017. <https://www.hivlegalnetwork.ca/site/hiv-criminalization-in-canada-key-trends-and-patterns/?lang=en> (Дата обращения: 5 марта 2022 г.)
65. Mykhalovskiy E, Sanders C, Hastings C, Bisailon L. Explicitly racialised and extraordinarily over-represented: Black immigrant men in 25 years of news reports on HIV non-disclosure criminal cases in Canada. *Cult Health Sex* 2021; **23**(6): 788-803.
66. Campbell CK, Rojo F, Khanna N, Dworkin SL. Sex, lies, and videotape: A content and textual analysis of media coverage of the HIV criminal prosecution of Michael Johnson. *Crime, Media, Culture: An International Journal* 2020; **18**(1): 52-69.
67. Hastings C, Mykhalovskiy E, Sanders C, Bisailon L. Disrupting a Canadian prairie fantasy and constructing racial otherness: An analysis of news media coverage of Trevis Smith's driminal HIV non-disclosure case. *Canadian Journal of Sociology* 2020; **45**(1): 1-22.
68. Ou CY, Ciesielski CA, Myers G, et al. Molecular epidemiology of HIV transmission in a dental practice. *Science* 1992; **256**(5060): 1165-71.

69. Bernard E, Azad Y, Vandamme AM, Weait M, Geretti AM. HIV forensics: pitfalls and acceptable standards in the use of phylogenetic analysis as evidence in criminal investigations of HIV transmission. *HIV Medicine* 2007; **8**(6): 382-7.
70. McClelland A, Guta A, Gagnon M. The rise of molecular HIV surveillance: implications on consent and criminalization. *Critical Public Health* 2019; **30**(4): 487-93.
71. Hoppe T, McClelland A, Pass K. Beyond criminalization: reconsidering HIV criminalization in an era of reform. *Curr Opin HIV AIDS* 2022; **17**(2): 100-5.
72. U.S. PLHIV Caucus. Demanding better: An HIV federal policy agenda by people living with HIV, 2021. <https://www.hivcaucus.org/> (Дата обращения: 5 марта 2022 г.)
73. Bernard EJ, McClelland A, Cardell B, et al. We are people, not clusters! *Am J Bioeth* 2020; **20**(10): 1-4.
74. Tordoff DM, Minalga B, Trejo A, et al. Lessons learned from community engagement regarding phylodynamic research with molecular HIV surveillance data. *Critical Public Health*.
75. Coltart CEM, Hoppe A, Parker M, et al. Ethical considerations in global HIV phylogenetic research. *Lancet HIV* 2018; **5**(11): e656-e66.
76. Trejo A, McClelland A. Molecular HIV surveillance: a global review of human rights implications. Амстердам: Positive Women's Network - USA for HIV Justice Worldwide, 2021. <https://www.hivjusticeworldwide.org/wp-content/uploads/2021/10/HJWW-MHS-Paper-English-Final.pdf> (Дата обращения: 6 марта 2022 г.).
77. ДЕКЛАРАЦИЯ ОСЛО О КРИМИНАЛИЗАЦИИ ВИЧ-ИНФЕКЦИИ Подготовлена представителями международного гражданского общества в Осло, Норвегия, 13 февраля 2012 г. <https://www.hivjustice.net/wp-content/uploads/2016/03/ДЕКЛАРАЦИЯ-ОСЛО.pdf> (Дата обращения: 25 февраля 2022 г.)
78. ПРОДВИЖЕНИЕ ПРАВОСУДИЯ В СВЯЗИ С ВИЧ-3: Рост глобального движения против криминализации ВИЧ. Нидерланды, 2019. <https://toolkit.hivjusticeworldwide.org/wp-content/uploads/2020/01/Продвижение-правосудия-в-связи-с-ВИЧ-3.pdf> (Дата обращения: 2 марта 2022 г.)
79. Raw A, Clayton M, Mundawarara T, Jamela L. Using science for justice: the implications of the Expert Consensus Statement on Zimbabwe's HIV criminalisation law. *University of Oxford Human Rights Hub Journal* 2020; **1**: 1-29.
80. Murwira Z. New marriages law decriminalises HIV transmission. *The Herald*. 2022. <https://www.herald.co.zw/new-marriages-law-decriminalises-hiv-transmission/> (Дата обращения: 3 марта 2022 г.)
81. Center for HIV Law & Policy. Illinois becomes second state to repeal HIV criminalization laws 2021. <https://www.hivlawandpolicy.org/news/illinois-becomes-second-state-repeal-hiv-criminalization-laws> (Дата обращения: 4 марта 2022 г.)
82. House of Commons of Canada Standing Committee on Justice and Human Rights. The criminalization of HIV nondisclosure in Canada. Оттава; 2019.. <https://www.ourcommons.ca/DocumentViewer/en/42-1/JUST/report-28/> (Дата обращения: 6 марта 2022 г.)
83. Government of Canada, Department of Justice. October 2022 will see Government consultations on modernizing the criminal justice system's response to HIV non-disclosure. Оттава, 27 июля 2022 г. (Дата обращения: 25 июля 2022 г.).

84. Canadian Coalition to Reform HIV Criminalization. Change the code: Reforming Canada's Criminal Code to limit HIV criminalization -- A community consensus statement (июль 2022 г.) . (Дата обращения: 1 августа 2022 г.)
85. Abdool Karim S. Criminalisation of transmission of SARS-CoV-2: A potential challenge to controlling the outbreak in South Africa. *South African Medical Journal* 2020; **110**(6): 458-60.